

Олег Лукошин

Сомнение

Рассказ

Пионерский лагерь «Солнечный» стоит на самом берегу Волги. На десятки километров вокруг простираются яблоневые сады. Терпкий, душистый аромат созревающих плодов кружит голову ощущением безбрежности времени и пространства. И нет никаких сил сопротивляться этой трепетной земной силе, что так чувственна и чиста. Лишь сильнее, жарче, неистовей хочется жить, любить и созидать...

А у Володи Макарова, вожатого седьмого отряда, проблема. Ну, может, и не проблема в полном смысле слова, но неприятность определённно. Стоит призадуматься и подыскать решение из небогатой пока кладовой педагогического опыта. Только бы дров не наломать. Случай деликатный. То ли гордец и циник объявился среди тринадцатилетних девчонок и мальчишек, Володиных подопечных, то ли созревающий идеологический враг.

Ситуация такая. На вчерашнем отрядном мероприятии, литературном вечере, посвящённом памяти героев Гражданской войны, — его подготовила и провела напарница Макарова, вожатая Лена Чиркова, — один мальчишка, Серёжа Бабаев, взял и заявил, что знаменитый роман «Тихий Дон» написал вовсе не Михаил Александрович Шолохов, а какой-то белогвардейский офицер. То есть, попросту говоря, Шолохов якобы украл роман у другого человека. Белогвардейца, подумать только!

Серёжа — тихий такой, интеллигентный. Очки носит. Почти незаметен, явной дружбы ни с кем не водит. Но и не враждует. Всё больше с книжками время проводит, а не на спортивной площадке.

— Серёжка, да ошибаешься ты! — махнула на него смешливо ладошкой Лена. — Глупость ляпнул. Это кто тебе такое порассказал?

А Серёжа нахмурился вдруг, разозлился и повторил, как на допросе:

— Все нормальные люди давно это знают. Если вам приятно обманываться — то извольте. А я хочу смотреть на мир без розовых очков.

Словно он в фашистских застенках, его пытаются и склоняют к измене Родине. Ну а он не сдаётся.

— И потом, — буквально добил он Леночку, — разве кто-то здесь, кроме меня, читал полностью «Тихий Дон»?

Лена аж рот раскрыла от изумления. Тут же расстроилась, растерялась и не смогла закончить литературный вечер. Володя пришёл ей на помощь, выдал шутку на постороннюю тему, перевёл внимание на других ребят — в

Олег Лукошин (1974) — родился в Горьковской области, в настоящее время живет в Нижнекамске. Работает корреспондентом в городской газете. Романы, повести, рассказы печатались в журналах «Урал», «Бельские просторы», «Слова», сборниках молодежной прозы. Финалист премии «Национальный бестселлер». Автор книги «Капитализм» (М., 2010).

общем, снизил градус напряжения. Доказывать маленькому гордецу Бабаеву, что не он единственный осилил четыре тома романа, вожатый посчитал ненужным. Слишком у мальчишки глаза сверкали. Словно на бой шёл. Да и выставить себя в противовес ребёнку показалось ему делом неправильным.

Может, и зря.

— Ты видел, как он меня? — плакала потом наедине с Володей Лена. — Видел? За что он так со мной?.. Знаю, дура я, бестолочь, на третьем томе остановилась, а пересказ романа в хрестоматии прочитала, но я же никому не говорила об этом! Никому-никому.. Володь, ты веришь мне? Откуда он об этом узнал?

— Да не знал он, — гладил её по плечу Макаров. Успокаивал. — Просто на слабо взял. Есть такой типаж человеческий — слабость твою чувствуют и давят на неё. Вот и он — молодой, да ранний.

Лена — хорошая, ответственная комсомолка. Чистой души человек. С Володей они дружно работают. У него к ней не только товарищеское уважение, но и симпатия. Вроде бы взаимная, но до объяснений дело пока не дошло. Однако Володя чувствует — Лена смотрит на него, особенно в последние дни, как-то по-особому. С теплотой. Вечерами на танцплощадке они уже порой танцуют вдвоём медленные танцы. Ребяшня одаривает их «понимающими» взглядами, особенно девчонки. Володя на них лишь хмурится — ему кажется, что как-то нехорошо смешивать личное и профессиональное. Вот закончится смена, разъедемся по домам, считает он, тогда уж можно и настоящие отношения завязывать. Конечно, если Лена не против.

— Вов, а почему ты ему ничего не возразил? — не унималась Чиркова. — Почему не сказал, что полностью прочёл «Тихий Дон», и вроде бы не раз, почему не поправил его в этих диких заблуждениях? Он ведь так и будет думать, что прав! Что победу одержал!

— Да присмотреться к нему надо, — ответил Макаров. — Понять, что он за человек такой. Одно дело — если просто буркнул невпопад услышанную от кого-то из взрослых глупость. Покрасоваться захотел перед девчонками — они любят таких ершистых. Это не страшно, сам забудет через пару дней о сказанном. И другое — если он находится под чьим-то влиянием. Если его детское сознание пытается на этой неправде мировоззрение сформировать. Вот тогда надо бить тревогу. Но и в этом случае действовать осмотрительно. Помнишь, какой у педагогов главный девиз?

— Не навреди! — выдохнула с облегчением Лена. Потому что увидела, поняла в очередной раз: умный, внимательный и грамотный напарник попался ей в летней педагогической практике.

В благодарность за понимание и поддержку, которые все мы так ценим, девушка порывисто прижалась к Володе и чмокнула его в щёку. Тотчас же бурное, словно газированный напиток, смущение опустилось на их лица. Макаров откашлял в кулак подступивший к горлу ком и, торопливо объяснив Лене, что пора проведать редакционный коллектив отрядной стенгазеты, который вот-вот готовился выпустить очередной номер, ретировался из комнаты.

Его немного беспокоило и даже злило, что свалившееся на голову светлое чувство любви оказалось таким сложным для анализа и контроля.

Возможность вновь соприкоснуться с внутренним миром загадочного подростка Серёжи Бабаева представилась ему уже через день. Футбольная команда седьмого отряда проводила ответственный матч на первенство пионерского лагеря с отрядом шестым. Матч тот значил чрезвычайно много для расстановки команд в турнирной таблице. В случае победы или даже ничьей седьмой сохранял хорошие шансы на попадание в тройку призё-

ров. Рассчитывать на чемпионство, увы, уже не приходилось — на первом месте со значительным отрывом шли профессионалы из восьмого отряда, большинство которого занимались в футбольной секции местного оптико-механического завода. Секция готовила кадры в команду мастеров, выступавшую в классе «Б» союзного чемпионата.

Все Володины попытки включить Бабаева в стартовый состав или хотя бы в запас не увенчались успехом. Серёжа наотрез отказался играть в футбол.

— Ну я же в очках, — мотивировал он причину. — В очках в футбол не играют.

— А вот и нет! — возразил вожатый. — В пятом отряде как раз-таки есть парень в очках, Игорем его звать. Играет правого крайнего, и, знаешь ли, прилично. То ли три, то ли четыре — точно не помню — гола на его счету.

— Нет, спасибо, — холодно отозвался Серёжа. — Не моё это.

Пришлось отступить. А вот когда Макаров давал ребятам последнюю предматчевую установку, циничный одиночка неожиданно снова проявил себя.

— Ну что, пацаны, — воодушевлённо наставлял ребят Володя, — бьёмся, как киевское «Динамо» в матче смерти, да?!

— Да! — крикнули хором юные футболисты.

И в этот момент Серёжа подал тихий, но какой-то всепроникающий и леденящий голос.

— Да не было никакого матча смерти, — буркнул он вроде бы самому себе под нос, но так, что слышно стало и окружающим. — Против немецких солдат играла команда «Старт» Киевского хлебозавода, в которой лишь несколько футболистов имели отношение к «Динамо». До так называемого матча смерти они провели чуть ли не десяток встреч с немцами. Их последующий арест с победой в том матче никак не связан. По сути, эта игра, как и все остальные, была актом коллаборационизма, из которого потом сотворили красивую легенду. Зачем — непонятно.

На мгновение Макарову показалось, что пацаны сейчас просто растерзают Бабаева. Он даже движение сделал, чтобы отгородить его от праведного гнева пионеров. Но нет, никто не шелухнулся, а некоторые и вовсе усмехнулись на Серёжины слова.

Когда судья дал стартовый свисток, Володя решил поговорить с юным скептиком и провокатором серьёзно.

— На какой волне, говоришь, «Голос Америки» ловится? — подсел он к равнодушно наблюдавшему футбольные баталии подростку.

— Разве я что-то говорил про «Голос Америки»? — холодно удивился Серёжа.

— А откуда всё это у тебя? — Макаров чувствовал, что эмоции переполняют его. — Грязь эта, выдумки нелепые, желание опозлить и очернить всё святое?! Не в журнале «Костёр» же ты это прочитал?

— Это не выдумки, — так же отстранённо и безучастно отвечал Бабаев, — это правда. И зарубежные радиостанции здесь ни при чём, хотя я знаю об их существовании. *Грамотный* человек всегда может отделить истину от домыслов даже по публикациям в советской прессе. Просто я сопоставляю факты, анализирую, задумываюсь. В отличие от вас, привыкшего потреблять готовые лакированные завтраки.

Все ребята обращались к вожатым на «ты». Но не столько это высокомерное «вы» покорило Макарова, как тот ужасающий смысл, что сохранился в этой не по годам ядовитой фразе. Впервые за всё свое недолгое соприкосновение с великой наукой педагогикой, да что там — впервые в жизни Володе захотелось ударить ребёнка. Знаменитый педагог Макаренко, почти однофамилец, признался в «Педагогической поэме», что однаж-

ды и ему пришлось залепить пощёчину своему воспитаннику. Макаренко сожалел о случившемся, но всё же делал вывод, что порой без подобных методов обойтись нельзя. Володя никак не мог согласиться с ним в этом. Если ударил равного — да, это оправдано. Если более сильного — тем более. Но если сорвался на том, кто слабее, на ребёнке, — тебе не место в педагогике. Что бы там ни писал Макаренко.

Ему стало страшно от этого желания — яростного желания бить вместо возможности разговаривать и доказывать свою правоту. «Если ударю — это проигрыш, — мелькнула мысль. — Абсолютный проигрыш перед жизнью и самим собой».

Он сдержался и с изумлением несколько напряжённых секунд взирал на свою уже расслабленную, уже пристыженную, но лишь недавно бывшую сжатой, злой и непримиримой пятерню. Кажется, Серёжа почувствовал ту борьбу, что происходила с вожатым, и посматривал на него насмешливо. По крайней мере, именно насмешливость разглядел в его мимолётном взгляде Макаров.

— Ты же наш, — почти умоляюще обратился к мальчику Володя, — ты же советский! Откуда в тебе столько сомнений, столько цинизма? Почему ты работаешь на наших врагов?

Бабаев выразительно вздёрнул бровями, словно говоря: «Мама родная, и с каким же идиотом я треплюсь!» Но вслух произнёс другое, этакое изумлённо-наивное:

— На врагов? Каких врагов? Мы в центре Советского Союза, до врагов тысячи километров. Не передёргивайте, товарищ вожатый.

Тот матч седьмой отряд проиграл с сокрушительным и унижительным счётом — 0:7. Ребята возвращались в корпус, понуриив головы. Особенно переживал вратарь, капитан и негласный лидер отряда Алёша Зайченко.

— Тяжело проигрывать, Серёга, — приобнял он по дороге Бабаева, с которым до этого вроде и не общался никогда. — А всему виной неправильная тактика, которую наш вожатый выбрал. Нас и ничья устраивала, а он вперёд всех погнал, тылы оголил. Вот и остались без защиты.

— Да уж, — согласился Серёжа, — сегодня стоило сыграть расчётливее.

Макаров шёл впереди, но разговор этот расслышал. Ещё одним тяжёлым укором отозвался он ему в сердце. Что-то идёт не так, понял он.

В последующие дни тревожная оценка идеологического и психологического состояния подростка Сергея Бабаева в глазах вожатых седьмого отряда только усиливалась. Как ни странно, вызывающее поведение мальчика, его демонстративная отстранённость от событий и саркастичные комментарии находили среди сверстников всё больше понимания. И в столовой он уже сидел не на отшибе и не в одиночестве, и на пляже был окружён благодарными слушателями, и на скамейке перед отрядным корпусом. Даже девочки, которых подобные «ботаники» никогда не привлекали, иной раз заворожено вслушивались в его негромкий бубнёж, сопровождавшийся угловатыми и застенчивыми телодвижениями.

— Ну вот для чего Наполеон пришёл в Россию? — доносились до Володи Макарова обрывки Серёжиных фраз.

— Захватчиком был, мир покорить хотел, — отвечал ему кто-то из ребят.

— А вот и нет! — так же сдержанно, но с явным торжеством, прячущимся где-то в обертонах, возражал Бабаев. — Наполеон был человеком прогрессивных взглядов, демократом, он не покорять Россию шёл, а освободить её от монархической власти. Ещё неизвестно, как развивалась бы наша история, свергни он тогда династию Романовых. Может, всё пошло бы цивилизованным путём, без революций и крови.

— Да не Попов изобрёл радио, — слышались Макарову в другой раз обрывки Серёжиной проповеди, — а итальянец Маркони! Именно он построил первый работающий аппарат. Просто вот эта похвальба наша отечественная любой факт исказить готова. Впереди всей планеты быть хотим, невзирая ни на что.

Заметив поблизости Володю, Бабаев неизменно замолкал. Окружавшие его ребята смотрели на вожатого странно, неприязненно, словно он их арестовать собирался и в тюрьму упрятать. Как на врага смотрели. Потеря контакта с подопечными больно отражалась на Володином самомнении и педагогических представлениях о гармоничном коллективе, в котором наставник не надсмотрщик и судья, а старший товарищ. Порой, в тревожные минуты предсонья, он даже начинал задумываться о правильности выбранного жизненного пути. О том, что, быть может, ошибся с институтом.

Не могла не беспокоиться о влиянии Серёжи Бабаева на ребят и Лена Чиркова. Она тоже замечала, что девочки — её, так сказать, сфера ответственности — делались с каждым днём всё развязнее и неуправляемее. Если раньше ей и двух минут было достаточно, чтобы вовлечь девчонок в какое-то действие, заинтересовать их и мотивировать, то сейчас всё делалось с угрозами, мольбами, а порой и обещанием наказаний. Обрывки Серёжиных разговоров доносились и до неё, причём выглядели они в её пересказе совсем уж как-то пугающе.

— Я тут подслушала ненароком беседу ребят, — делилась она с Володей. — Конечно, нехорошо подслушивать, но просто так получилось... Так вот, Бабаев что-то говорил об ошибке советской армии в 1968 году в Чехословакии.

— Что именно? — напрягся Макаров.

— Ну, что-то вроде того, что это было недемократично, что это было военное вмешательство в дела другого государства. И даже, — она понизила голос до шёпота, — прозвучала такая фраза: «растоптали свободу».

Володя лишь тяжко вздохнул.

— А ещё они что-то про Новочеркасск говорили. Ты был в этом городе, нет? И я не была. Так вот, какой-то расстрел упоминали, трупы рабочих. И опять похожая фраза — «убили свободу».

Несколько минут длилась тяжёлая пауза. Макаров напряжённо смотрел в землю, Чиркова — на него.

— Лена, — наконец произнёс Володя, — ситуация выходит из-под нашего контроля.

— Да, да, — согласилась растерянно Леночка.

— А если быть откровенным, то мы уже ей не владеем. Перед нами гораздо более серьёзный противник, чем казалось ранее.

— Значит, он не просто юный циник, а идеологический враг?

— Давай воздержимся от оценок. Мы не обладаем достаточным опытом, чтобы давать их.

— Так что же, сообщим директору пионерского лагеря? И в органы? — предположила Лена.

— Директора в известность поставим, — согласился Макаров. — Органы лучше пока не беспокоить. Есть у меня один вариант... Последний, можно сказать. Думаю, должен быть какой-то результат.

— А что за вариант?

— В общем, так... — начал Володя...

Аккуратная разноцветная беседка, с которой открывался потрясающий вид на Волгу и простиравшиеся за ней горизонты, располагалась за территорией лагеря. Тихий час Серёжа предпочитал проводить не в кровати, а именно здесь: выбирался тайком из комнаты, нырял в кустарник, а затем

перемахивал через металлический забор и почти на целый час оказывался предоставлен сам себе. Эта кратковременная свобода радовала и умиротворяла его: ненавистные лагерные порядки оставались позади, суетливые взрослые со своими нелепыми и жестокими требованиями отступали на задний план, он оставался наедине со своими мыслями и рассуждениями — единственным, что по-настоящему радовало его в этой жизни. Не раз его неодолимо тянуло и вовсе рвануть вдоль Волги до самого города и никогда не возвращаться к этим пыточным условиям лагерного существования, но, представив себе реакцию матери, которую и так то и дело дёргали все кому не лень из-за непутёвого и «неправильного» сына, её огорчение и слёзы, он перебарывал в себе эти позывы.

После смерти отца-инженера, погибшего три года назад на пусконаладочных работах при строительстве гидроэлектростанции, мать осталась одна с тремя детьми. Кроме Серёжи, старшего, судьба преподнесла ей тяжёлый и ответственный труд по воспитанию и подготовке к жизни двух семилетних близняшек, девочки Наташи и мальчика Валеры. Они проводили лето в деревне у бабушки. В сентябре им в первый класс. Утопавшая в заботах мама, трудившаяся зубным врачом, хотя бы на летний период могла чуть-чуть раздышаться. «Если бы они не убили отца, — думал Серёжа, всем сердцем жалея вертящуюся как белка в колесе и чудовищно устававшую мать, — то всё было бы по-другому». В глубине души ему казалось, что с уходом папы жизнь потеряла если и не полный смысл, то большую и самую содержательную его часть.

В тот день от книги повестей и рассказов Роберта Шекли Серёжу заставили оторваться чьи-то шаги. Мальчик удивлённо вскинул голову и заметил приближавшегося к беседке седовласого, но крепкого и бодрого мужчину. Он был одет в светло-серый пиджак, на котором яркими красками горели орденские планки. Ветеран держал в руках трость, но почти не опирался на неё, хотя было заметно, что он прихрамывает. Серёжа невольно напрягся при виде постороннего — это место он считал своим собственным укромным уголком и был расстроен, что кто-то нарушил его сладкое одиночество.

— Здравствуйте! — сказал, поднимаясь по ступенькам беседки, мужчина.

Серёжа оглянулся, но никого, кроме них, здесь не было — дедушка здоровался именно с ним.

— Здравствуйте, — отозвался он, смущаясь.

— Разрешите, молодой человек, присесть рядом с вами и насладиться прекрасным видом, — попросил ветеран. — Вы заметили, как величественно и прекрасно выглядит сегодня Волга.

— Да, пожалуйста, — пробормотал Бабаев, инстинктивно отодвигаясь в сторону, хотя свободного места на скамейке оставалось предостаточно.

Мужчина присел чуть поодаль, достал из бокового кармана пиджака отглаженный, похрустывающий носовой платок и вытер выступившую на лбу испарину.

— Много читаю в последнее время, — произнёс он без всякого вступления, словно в пустоту, но явно подразумевая привлечь внимание подростка. — Благо сейчас на пенсии, и свободного времени хватает. И знаете, — он коротко взглянул на Серёжу, — увлёкся в последнее время историей империи Александра Македонского. Вы случайно не поклонник исторических исследований?

— Ну да, почитываю, — всё так же смущённо ответил Бабаев.

— Ну тогда мы с вами найдём общий язык! — радостно констатировал ветеран. — Что меня больше всего интересует, — продолжал он, — так это то, как легко империя, созданная фанатичной страстью и железной волей

Александра, распалась. А ведь она была чрезвычайно прогрессивным для своего времени государством. Александр Македонский связал Европу с Азией, объединил совершенно разные культуры и представления о жизни. Это была одна из попыток некоей мировой универсализации, возможность дать людям жить по единым, общим для всех законам и ценностям, не разрушая самих себя в местечковом варварстве. И тем не менее, созданная им держава прекратила своё существование.

— Может быть, это закон империй? — робко, вполголоса заметил Серёжа, невольно реагируя на срезонировавшие в его сознании замечания пожилого мужчины. — Все они рано или поздно распадаются.

— Вы думаете? — ветеран обхватил набалдашник трости обеими руками и, слегка покачиваясь, смотрел задумчиво вдаль. — А быть может, это закон человеческой сущности — разрушать всё благое, не понимая его природы, целей и задач?

— Я сильно сомневаюсь, — голос Серёжи наливался уверенностью и твердел, — что империя Александра Македонского была таким уж благом для её обитателей.

— Да, это было рабовладельческое государство, в нём человек эксплуатировал человека, — почти согласился с ним мужчина. — Вне всякого сомнения, оно должно было прекратить своё существование, люди не должны мириться с несправедливым устройством. Правда, я не уверен, что то, что возникло на месте империи Александра затем, отличалось от неё чем-то в лучшую сторону. Разве после её распада исчез рабовладельческий строй?

— Значит, по-вашему, пусть бы она оставалась, несмотря на все несправедливости, царившие в ней?

— История учит нас тому, что на место старого должно приходиться что-то новое. А если ничего нового не возникло, какой был смысл в разрушении?

Серёжа обдумывал услышанное. Он чувствовал, что старик чересчур вольно обращается с историческими фактами, подвёрстывая их под какие-то свои представления, но пока не определил точного места, по которому следовало бы нанести удар и сокрушить позицию оппонента.

— Сомнение! — выразительно и многозначительно произнёс вдруг ветеран. — Мне кажется, именно сомнение разрушило империю Александра Македонского. Как и все другие государства. После его смерти появилось слишком много сомневающихся. Умных и пытливых ревизионистов, которые стали задаваться правильными и нужными, как им представлялось, вопросами. А зачем нам Персия с Индией, что мы там забыли? А не слишком ли много наших солдат погибло на полях сражений? А всё ли в порядке было с личной жизнью Александра, не злоупотреблял ли он телесными излишествами? Эти сомнения всячески приветствовались врагами империи. Да, да, нашёптывали они, разберитесь со своим прошлым, чтобы уверенно смотреть в будущее! Определитесь с правильными приоритетами, которые помогут вам избежать перегибов в дальнейшем! Разоблачите культ личности Александра — ведь был же культ, да ещё какой! И все эти умные сомневающиеся люди, вне всякого сомнения, — горько улыбнулся он при слове «сомнение», — стремившиеся к добру и справедливости, сами того не заметили, как похоронили и своё государство, и самих себя. И на обломках великой империи стали править десятки жестоких и алчных царьков, которые, надо заметить, не позволяли народам сомневаться в своём исключительном праве на власть.

— Сомневаться — это естественно, — заметил Серёжа. — Через сомнения вырабатывается личность человека, его взгляды на мир.

— Вы думаете? А что, если через сомнения в человека проникает Слабость, — это слово ветеран явно произнёс с большой буквы. — Слабость, которой в любую секунду могут воспользоваться его враги? Вот представьте

себе такое: человечество вышло на максимально высокую, абсолютно гуманистическую стадию развития. Создано государство, в котором справедливость, хоть и не без оговорок и частных перегибов, поставлена во главу угла. Государство живёт, развивается, ему нет в этом мире никаких внятных альтернатив, а сомнение в людях осталось. А сомнение живёт и работает. И, как колония неутомимых термитов, которым лишь бы что сгрызть, оно подтачивает основы этого государства, разрушает его людей. А человек, положив руку на сердце, слаб, обидчив, завистлив, он склонен толковать события жизни, порой огорчительные для него, как покушение на собственную индивидуальность и свободу. Вот потерял кто-то в трагической аварии близкого человека — и тут же проклёвывается сомнение, которое услужливо предоставляет объяснение случившемуся: виноваты управленцы, государственные мужи, которые сами не рискуют жизнью, которые сидят в кабинетах. Отсюда возникает обида, озлобление. И всё, человек начинает этот росток сомнений холить и лелеять. Всю окружающую действительность он предпочитает теперь класть на мерило сомнений. Нет, на самом деле всё было не так! Нет, не тот имярек заслуживает почестей, а этот! Нет, всё это неправда, она придумана, чтобы держать нас в повиновении и кротости... Самому человеку кажется, что он открыл фонтан истины, что, лишь купаясь в нём, можно приобщаться к тайнам жизни, сохранять свою индивидуальность, оставаться честным по отношению к самому себе. Таких людей в государстве, как правило, немного, но сомнения в них столь велики, что они могут заражать ими окружающих. А враги государства не дремлют: через радиостанции, печатную продукцию, да попросту распуская слухи, они вскармливают этих червей сомнений, делают их злыми, агрессивными. И вот уже человек этот не замечает, что он и не человек вовсе, а большой и злобный червь, готовый пожрать всё на своём пути, включая выпестовавшее его, давшее образование и положение в обществе государство. Ей-богу, страшно становится жить рядом с этими умными, талантливыми, но подверженными тягостным сомнениям людьми. Потому что ясно: попадёшь под их влияние — и можешь пропасть. Исчезнуть как социально, так и физически. И вдвойне страшно от понимания, что исчезнуть может само наше государство. Ведь сомневающиеся граждане могут взобраться весьма высоко по социальной лестнице. А что, если кто-то из них окажется на самой вершине? Один такой недавно уже наделал делов и в нашей необъятной Родине. К счастью, его сместили с должности. Только нет никакой уверенности, что зараза сомнений, выпущенная им из банки, растворится в воздухе без следа... Мне всё-таки кажется, что с сомнениями надо бороться. Надо, несмотря на все соблазны, которые они несут.

— Но как же быть с правдой? — исподлобья, смущённый и почти растерянный, смотрел на пожилого мужчину Серёжа. — Ведь она самое ценное, что есть на свете.

— У правды много граней, — отозвался ветеран. — Много слоёв. Обращаться с ней надо чрезвычайно осторожно. Молодых да пылких она может травмировать до состояния инвалидности. Самое главное, чтобы правда не позволяла разрушать в человеке его убеждения, внутреннюю целостность. Потому что без целостности человек и не человек вовсе, а так, гуттаперчевая кукла.

Володя Макаров дождался, когда фигурка Серёжи скрылась за деревьями, и выбрался из лесной чащи к беседке. Степан Сергеевич встретил его кроткой и мудрой улыбкой. Такую можно обнаружить на лице у опытных хирургов после сложной и ответственной операции.

— Спасибо, дедушка! — дотронулся вожатый до плеча ветерана Великой Отечественной, гвардии капитана Макарова. — Ты сделал большое дело.

— Ох, был бы толк! — произнёс негромко тот. — Парень-то, сразу видно, хороший, пытливый. Но запутался в приоритетах, попал под влияние интеллектуальной болезни сомнения. Многих она сгубила...

— Я видел его лицо, — заметил Володя. — Он изменился. Он выйдет на правильную дорогу.

— Будем надеяться, — кивнул дедушка.

Серёжа добирался до корпуса в большой растерянности. Случайный разговор с неизвестным пожилым человеком, у которого он даже забыл спросить имя и отчество, вызвал в нём странное ощущение раздвоенности. С одной стороны, он почувствовал себя несчастным, потерянным и ничтожно глупым за своё высокомерие и бравату несмышлёнышем, а с другой — ощутил вдруг необычайный прилив сил. Словно перед ним открыли заветную дверцу, объяснили тайны жизни, приложили к голове целебные руки и отогнали терзавшую головную боль. Гулкая пустота внутри вдруг сгустилась, обрела плотность — и это ощущение зарождавшейся твёрдости оказалось необычайно приятным и умиротворяющим. С ним никак не хотелось расставаться.

Тихий час закончился. Ребята нехотя выбирались на площадку перед корпусом. «Что же вы такие квёлые да понурые», — подумал Серёжа, в котором бодрость и ощущение жизни как праздника произрастали с каждой новой секундой всё сильнее и ярче.

— Серёж! — позвала его Галя Суховеева, первая красавица лагеря. Как и все мальчишки, он был тайно в неё влюблён. — Пойдёшь сегодня на танцы? Я бы с тобой хотела... — она очаровательно и призывно улыбнулась ему. — Хочу расспросить тебя о голливудской звезде, как её... а, Натали Вуд! Ты кому-то про неё рассказывал. Она же русская, правда? Вот ведь, только в Голливуде талант раскрыли, у нас бы уборщицей работала.

— Сергей! — обратился к нему Артём Рыбакин, такой же, как и Бабаев, любитель чтения. — Я вот тут размышлял о личности адмирала Колчака и знаешь, что подумал? Интересный ведь человек был, ответственный, принципиальный. Как-то у нас неправильно его представляют. Затёрли имя пропагандой, ты не думаешь?

— Серый! — подскочивший Алёша Зайченко говорил шёпотом. — Мне брательник транзистор привёз. Говорит, «Голос Америки» отлично ловится. После отбоя послушаем, а? Там так ментов и гэбэшников костерят — умора! Да ведь и по делу... Короче, до ночи! Будет о чём перетереть.

Огорошенный, смущённый, Серёжа Бабаев стоял посреди двора и не мог вымолвить ни слова. «И вот уже человек этот не замечает, — звучали в голове слова седого ветерана, — что он и не человек вовсе, а большой и злобный червь, готовый пожрать всё на своём пути...»

Неужели нет спасения от сомнений?